Зуева О.В. (Минск)

Лингвостилистические особенности частных светских писем XI – XVII веков

Одной из задач изучения средневековой русской эпистолографии с точки зрения исторической стилистики является установление корреляций между разновидностями посланий и типами письменного языка XI – XVII вв. В посланиях представлено широкое варьирование лингвистических (прежде всего, грамматических) средств, отражающее дихотомию «книжное – некнижное языковое явление». Анализ фактического материала в свете концепции регистровой стратификации средневековой русской письменности позволяет расширить данное противопоставление до четырехчленного и соотнести стиль отдельных разновидностей посланий с типами письменного языка: церковнославянского строгой нормы, гибридного, делового, бытового. Указанное варьирование, сохраняющееся в диахронии, выступает основным дифференциальным стилистическим признаком писем.

В настоящей статье анализируется стилистика грамматических средств языка частой светской (бытовой, деловой, фатической) переписки XI–XVII вв. – самой многочисленной группы русских эпистолярных памятников донационального периода. Предметом наблюдений над **стилистически маркированными языковыми средствами** стали единицы и явления, принадлежащие к разным ярусам языковой системы: а) ***синтаксис***: на уровне языковых ресурсов – способы выражения побуждения, средства оформления подчинительных отношений в составе сложных предикативных конструкций: условных, целевых, временных, определительных; на уровне текста – организация сообщения (способы развертывания высказываний, выражение связности мысли, степень риторической обработанности письма; использование метатекста); б) ***морфология***: система претеритов, формы презенса 2 л. ед.ч. и инфинитива, падежные флексии существительных, морфологические чередования в глагольных и именных формах, флексии прилагательных м.-ж. р. ед.ч., формы числа при назывании двух объектов. Наблюдения над морфологическими единицами проводились с учетом двух факторов: временного (степень архаичности явления) и генетического (южно- либо восточнославянское происхождение явления). Анализ стилистики морфологических средств занимает подчиненное положение относительно анализа синтаксической стилистики писем. Преимущественное внимание к синтаксису писем обусловлено тем, что именно синтаксис является высшим уровнем языка, непосредственно отражающим авторскую логику порождения текста, менее зависимым, в сравнении с морфологией, от временного фактора.

1. Языковые ресурсы стилистической дифференциации писем. Основным способом выражения ***побуждения*** в частных письмах выступает стилистически нейтральный императив: *възми оу господыни три на десяте резане,* XII в. [Зализняк 2004: 285] (здесь и далее текстовые примеры приводятся в упрощенной орфографии: юсы заменены на *я*, *у*; ять – на *е*; омега – на *о*; не используется графема *і*); *Пиши ко мне про свое здорове*, 1670 г. [Котков 1964: 68]. Стилисти-

чески маркированные разговорные обороты используются не так широко, например, безличные предложения с зависимым инфинитивом: *добро бы тебе меня жаловат[ь]*, XVII в. [Котков 1964: 110]. Инфинитив на *-ть* абсолютно преобладает в поздних старорусских текстах; книжные формы типа *радоватися*, *здравствовати* используются преимущественно в составе устойчивых оборотов, они являются стилеобразующими, но экспрессивной маркированности не несут.

Книжный оборот *да* + презенс в светском общении всегда отличается экспрессивностью; оборот отмечен только в письмах духовных лиц и только в устойчивых контекстах, сообщающих о сакральных понятиях: *Господь бог паки да подасть ему познати истину*, 1382-83 гг. [Послания 1978: 204].

Условные конструкции широко представлены в берестяных грамотах делового содержания в сочетании с предшествующим и последующим императивными оборотами: *оже еси продало порты а коупи ми жита* (‘Если ты продал одежду, купи мне ячменя’), XIII в. [Зализняк 2004: 521]. В грамотах представлены только народно-разговорные союзы. В текстах XVI – XVII вв. условные отношения реализуются редко; в бытовых письмах их репрезентация ограничена, в основном, устойчивой формулой сообщения о себе, выражаемой бессоюзной либо формально сочинительной полипредикативной единицей: *а про меня изволишь ведат и я по троицын днь въ селце Титовском жива* [Грамотки 1969: 55]. В деловых посланиях преобладает союзное подчинение. Обороты с книжным союзом *аще* отмечены только в письмах гибридного и книжного регистров, адресанты которых связаны с церковью.

Целевые отношения регулярно реализуются в составе стилистически нейтральной формулы мотивации призыва писать: *[Отпиши же ми ко мне,] дати ми сведомо, как еси*, 1382-83 гг. [Послания 1978: 204]. Некнижные формы *чтобы* + *л*-причастие и *чтобы* + инфинитив выражают целевые значения (иногда синкретичные с объектными) также в большинстве неэтикетных контекстов: *молися ем что бы конь купилъ*, XIV в. [Зализняк 2004: 550]. При сообщении сакральной информации в письмах гибридного регистра духовных лиц используется церковнославянский оборот *да* + презенс: *[Молитеся о мне], да избавлюся от нихъ* [бесов], XVII в. [Письма 1988: 541].

Союз *какъ (како)* является основным средством связи в сложных предикативных единицах со значением ***времени*** в берестяных грамотах и грамотках XVI – XVII вв. Книжный союз *егда* отмечен в письмах, как правило, в цитатных фрагментах либо при пересказе религиозных преданий. Язык таких фрагментов гибридный: *Егда седе на царство онъ, и пришедши неции христолюбцы в пустыню ко святому Михаилу, рабу божию, и возвестиша ему: «Иной царь-государь воцарился ныне после отца своего»*, 1660-е гг. [Письма 1989: 489].

Отношения ***сравнения*** и ***образа действия***, не имеющие широкого распространения в синтаксисе частных писем, в большинстве источников передаются стилистически нейтральным наречием *какъ* (*како*), с которым могут соотноситься наречия и местоимения *такъ* (*тако*), *то*: *како есьмъ порядилесе тако и живу*, к. XIV – нач. XV вв. [Зализняк 2004: 659]. В поздних старорусских текстах отмечены разговорные союзы *что*, *кабы*, *будто*; книжные сою-

зы *яко*, *якоже*, *елико* употребляются либо в составе формул, либо, в единичных случаях, в бытовых контекстах, свидетельствуя о владении автором книжной культурой.

Для выражения ***определительных*** отношений используются союзные слова *который, кто, кои* (нейтральные стилистически), *что* (разговорное), разговорный союз *чтобъ*, соотносимые с местоимениями *такой*, *весь*, *тотъ*, например: *оу котораго ти сыноу вьр[ь]шь повели оти отъдадя дат ть марене* (‘Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Марене’), XII в. [Зализняк 2004; 321]. Книжное местоимение *иже* отмечено в трех письмах XVI – XVII вв.; оно употреблено в правильной грамматической форме, вне связи с торжественным или сакральным контекстом, и отражает образованность адресанта.

Наблюдения над морфолого-синтаксическими ресурсами писем позволяют сделать вывод о преобладании в текстах народно-разговорных языковых единиц; введение книжных средств связано с церковной принадлежностью авторов писем либо этикетностью контекста – последняя особенно характерна для писем монархов.

2. Приемы организации текстов писем. Одним из признаков повествовательных текстов является организация сообщения посредством «цепочечного нанизывания» предикативных единиц. Эпистолярные материалы показали, что такое нанизывание известно частному бытовому общению: *али цимо есемо виновата а восоли отроко а водале ми еси хамеце а ци за то не даси а восоли ми весть*, ‘Если я что-нибудь должна, то посылай отрока. Ты дал мне полотнишко’, XII в. [Зализняк 2004: 267]. В письмах бытового и гибридного регистров отмечены обороты с повтором предлогов – черта делового и народно-разговорного языка: *оу максима оу ключника* [Зализняк 2004: 550]; *еду к сыну своему, ко князю к великому...* [Послания 1978: 195] – примеры XIV в.

Яркая стилистическая особенность частной деловой переписки, особенно писем приказчиков, – высокая частота использования обращений. Обращения нередко вводятся избыточно; распространена их позиция между двумя словоформами – определяющей и определяемой – типа *некоторые гсдрь подводы малые, свою гсдрь рыбу* [Грамотки 1969: 189]. В старорусских письмах священнослужителей и текстах, имитирующих манеру духовных посланий, используются формы звательного падежа: *А послание, что к тебе писано, брате Иоанне, отъ меня* – но далее: *И ты, братецъ Иванъ, порадей...* [Письма 1989: 489].

Всякие послания как форма письменной коммуникации подвергаются риторической обработке (минимум путем использования в них жанрообразующих формул), поэтому разговорная речь в принципе может быть представлена в них только отдельными элементами. На фоне других видов посланий частные светские письма отражают спонтанную речь относительно широко. Эти тексты фиксируют следующие ***признаки разговорной речи***:

а) начальная позиция темы сообщения: именительный падеж «темы»: *[И отписать на какие платна про себя надобны нашивки], а образец – то я узнаю по платну* [Галактионов 1968: 42]; вводные предложения «темы»: *А*

што старость тебя твоя пострашит: и о животе и смерти имеям промысленника и строителя – истинного всех бога [Галактионов 1968: 36] – все примеры XVII в.;

б) сообщение добавочной информации: вставные предложения: *…отпиши матушка била челом как тетушки не стало Параскови Костентиновны и кое число*, XVII в. [Котков 1964: 81]; парцелляция: *се послахове <…> и тетереве и кълъбасоу а коня 2 и сторова*, XII в. [Зализняк 2004: 311];

в) речевая недостаточность – неполнота высказываний: *и ты до углеца и ту пакъ дружина* (‘Так что ты [посылай] до Углича, и как раз туда [едет] дружина’), к. XIII в. [Зализняк 2004: 512];

г) инверсия и отсутствие грамматического согласования компонентов высказывания, например: *Да иные, которые челобитчики были о тебе, взяты*, 1653 г. [Письма 1874: 31].

Элементы книжной организации текста представлены в единичных письмах образованных лиц; язык посланий – в основном, церковнославянской сниженной нормы:

а) повтор союза *же*: *Буди же вам сведомо <…> Иду же, якоже иногда Иосиф от отца послан <…> аз же святитель есмь*, 1378 г. [Послания 1978: 195].

б) противопоставление, в том числе градационное: *не словесы, государь, токмо, но и делы исправляеши*, 1653 г. [Письма 1874: 27].

в) риторический вопрос: *…вся тебе возвещу. Или кто тебе инъ возвеститъ слово виденіемъ, или писаніемъ?* 1653 г. [Письма 1874: 28];

г) грамматический параллелизм, а именно повтор синтаксических конструкций при единообразном архаизированном морфологическом оформлении входящих в них лексем: *Молитва бо Петра ис темницы избави, молитва Иону из чрева китова изведе, молитва триехъ отроковъ от огня свободи, молитвою Анна Самоила породи, молитвами вси святии спасашася*, XVII в. [Письма 1988: 541].

В бытовых и деловых письмах представлено незначительное количество метатекстовых вербальных средств. Переход от зачина к семантеме и введение новой темы может маркироваться оборотами типа *вестно тебе чиню, что…*; *буди тебе ведомо* и др. Конструкции типа *известно тебе что…, ведаеш, веси бо…* маркируют также цитирование прецедентного текста, однако их введение ограничено небольшим числом соответствующих контекстов. На завершение письма указывают конструкции *по томъ, за симъ, за симъ/по томъ писавыи* в препозиции относительно блока прощание. Среди средств актуализации внимания адресата частотны только обращения, а также формула *а о насъ ведать изволишь*, вводящая этикетную информацию о себе. Употребление иных средств организации текста окказионально, представлено только в созданных на гибридном языке письмах образованных людей.

Выводы. Среди всех типов средневековых посланий частные светские письма характеризуются наибольшим стилистическим варьированием. Видовая типология частных писем, в целом, соотносится с их лингвостилистическими различиями: большинство светских текстов бытового и делового содержания

написано на народно-разговорном языке; духовные письма созданы на книжном языке строгой и сниженной нормы.

Проявление в языке письма разговорных или книжных черт не зависит от структурной части текста, при этом зависимость степени книжности письма от сферы и темы общения устанавливается регулярно. Диахронические изменения в типичных стилистических характеристиках писем не обнаружены. На стиль языка посланий влияют конкретный предмет изображения в рамках темы, роль используемых языковых средств в организации содержательной структуры текста, характер контекста (устойчивый – оригинальный, речь автора – «чужая речь»), социокультурный статус адресанта, цели воздействия на адресата. В письмах отражается частая интерференция авторских «речевых навыков» – разговорного и книжного; этот признак характеризует только переписку образованных людей, так как лишь их коммуникативные навыки дифференцированны.

Галактионов, И.В. Ранняя переписка А.Л. Ордина-Нащокина (1642–1645 гг.) / И.В. Галактионов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1968. – 92 с.

Грамотки XVII – нач. XVIII в. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова ; под ред. С.И. Коткова ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1969.

Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2004.

Котков, С.И. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – нач. XVIII веков / С.И. Котков, Н.П. Панкратова. – М. : Наука, 1964.

Письма протопопа Аввакума семье // Памятники литературы Древней Руси. XVII век : в 2 кн. / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худ. лит., 1988–1989. – Кн. 1. – 1988. – С. 540–544.

Послания митрополита Киприана // Прохоров, Г.М. Повесть о Митяе : Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы / Г.М. Прохоров ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л. : Наука, 1978. – С. 195 – 204.

Письмо дьяка Федора Иванова семье протопопа Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век : в 2 кн. / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худ. лит., 1988–1989. – Кн. 2. – 1989. – С. 488–490.

Письмо священника Ивана Данилова протопопу Ивану Неронову // Материалы для истории раскола за первое время его существования : в 8 т. – М. : Типография Т. Рис,1874–1886. – Т. 1. – 1874. – С. 26–34.